

Елена Николаева

Санкт-Петербург, Российский государственный
гидрометеорологический университет

Сергей Николаев

Санкт-Петербург, Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН

О СЛОЖНОСТИ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ (НА ПРИМЕРЕ ВЫРАЖЕНИЯ *СБИТЬ С ПАНТАЛЫКУ*)

On the Problem of Language Contact Between Closely Related Languages: On the example of Russian expression *sbit' s pantalyku*

ABSTRACT: The article is devoted to the problem of language interaction in Polish and East Slavic languages phraseology. Polish had a significant impact on the formation of the phraseology of the East Slavic languages of the late XVI – early XIX century, which led to the emergence of similar Polish-Ukrainian-Belarusian-Russian phraseological units. It is often very difficult to determine the donor language. In some cases, the idiom (or proverb) could migrate from one language to another, enriching itself with new elements (in terms of vocabulary or semantics) and returning to the donor language in a new capacity. In the search for the source of phraseology in the article the authors propose to consider the date of the earliest fixation of the unit, the extended context of its use, which may contain linguistic or ethnographic details that help to identify the donor language. The article investigates the origin of one of the most obscure and recalcitrant items in Slavic phraseology: Polish *zbić z pantalyku*, Belorussian *збіць з панталыку*, Ukrainian *збити з пантелику* and Russian *сбить с панталыку*. In all four languages the meaning is ‘to confuse, befuddle, baffle’. This phraseological expression is shown to be first attested in Ukrainian at the end of the 18th cent.; from Ukrainian it was borrowed into Russian and then migrated into Polish. It is proposed that the expression originated in Ukrainian vernacular on the basis of Polish loanword *pontalik* ‘ornament, jewel’ adopted in Ukrainian as *пантелик*.

KEYWORDS: loanword, phraseological unit, East Slavic languages, Polish language, linguistic affinity, etymology

Исследование заимствований внутри славянских языков осложняется их языковой близостью, этот специфический фактор Л.А. Булаховский справедливо охарактеризовал как «малая выразительность признаков заимствования»¹. Венгерский исследователь межславянских языковых контактов старшего периода А. Золтан отмечал, что сходство лексики славянских языков обусловлено не только генетически, но в значительной степени обязано культурному и языковому взаимодействию, которое прослеживается в истории всех славянских языков после распада праславянского единства.

Рассуждая о сложных взаимоотношениях польского и восточнославянских языков, А. Золтан замечает, что многие полонизмы в русском языке XV–XVI вв. появились позже, чем в украинском и/или белорусском языках и, скорее всего, вошли в русский язык при их посредничестве². Булаховский также не исключал значения украинского и белорусского как языков-посредников для польских заимствований в русском языке XVII в. Это касается не только лексики, но и устойчивых выражений, т.е. фразеологии в широком понимании этого термина, о чем и пойдет речь в настоящей статье.

Известный российский фразеолог В.М. Мокиенко справедливо заметил, что выражение ‘сбить(ся) с панталыку’ – «одно из самых неясных и спорных по происхождению»³. Прежде чем перейти к неясному и спорному, отметим ясное и бесспорное. Это выражение известно четырем славянским языкам: русскому, белорусскому, украинскому и польскому, причем встречается только в этих языках и в одной и той же форме, полностью совпадающей по значению, образу и структуре: *сбить с панталыку* (рус.), *zbić z pantaluکی* (польск.), *збіць з панталыку* (белорус.), *збити з пантелику* (укр.)⁴. Не вызывает сомнений и значение выражения во всех четырех языках: ‘привести (прийти) в замешательство, запутать(ся)’. Показательно, что в польско-русском словаре к обороту ‘zbić z pantaluکی’ дается перевод ‘сбить с панталыку’⁵, а в русско-польском словаре находим обратную конструкцию: ‘сбить с панталыку’

¹ Л.А. Булаховский, *К истории взаимоотношений славянских литературных языков*, «Известия АН СССР: Отделение литературы и языка», т. X, вып. 1, Москва 1951, с. 37.

² А. Золтан, *Interslavica. Исследования по межславянским языковым и культурным контактам*, Москва 2014, с. 15.

³ В.М. Мокиенко, *Давайте говорить правильно! Трудности современной русской фразеологии: Краткий словарь-справочник*, Санкт-Петербург 2003, с. 167.

⁴ См. библиографические сводки работ об этом фразеологизме: А. Ивченко, *Історія та етимологія української фразеології. Бібліографічний покажчик (1864–1998)*, Харків 1998, с. 123; А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова, *Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. Около 6000 фразеологизмов*, ред. В.М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. Москва 2005, с. 515.

⁵ См.: D. Hessen, R. Stypuła, *Wielki słownik polsko-rosyjski*, Warszawa–Moskwa 1967, s. 644.

– ‘zbić z pantafyku’⁶. Это вполне соответствует лексикографической практике, когда для перевода иноязычного фразеологизма приводится существующий эквивалент, хотя в данном случае трудно избавиться от впечатления, что одно непонятное объясняется другим неизвестным. М.И. Михельсон в своем известном труде *Мысль и речь* привел следующее «легендарное» объяснение появления выражения: «Пентелик – гора в Аттике с сталактитовой пещерой и разными гротами (в которых легко заблудиться) – известная своим мрамором еще в древности»⁷. Фантастический характер этой этимологии настолько очевиден, что не стоит останавливаться на ее разборе. Историю *панталыка* нужно разбирать более глубоко филологическими методами.

Появление выражения в перечисленных языках датируется относительно точно не позднее начала XIX в., а к середине XIX в. оно прочно вошло в речевой обиход и зафиксировано у целого ряда украинских, русских и польских писателей, и тогда же попало в словари, в которых и было закреплено его значение. Как видно, ясного и бесспорного в истории разбираемого выражения довольно много, и по сравнению с некоторыми другими фразеологизмами ему даже повезло. Неясное и спорное появляется при попытке выяснить происхождение выражения. В каком языке и когда оно появилось впервые? Что такое *панталык*? Какова образная природа выражения? Вот здесь мнения исследователей резко расходятся.

Лексический анализ выражения *сбить с панталыку* вряд ли может помочь установить язык, в котором оно возникло, поскольку стержневой компонент (*панталык*) не относится к исконной славянской лексике и повторяется во всех четырех языках. Все исследователи, так или иначе касавшиеся этого выражения, единодушно сходятся в том, что его происхождение неизвестно. Только польский исследователь Эугениуш Мосько, посвятивший разбираемому выражению отдельную статью, был уверен, что это выражение польское по происхождению, и в русский язык попало из польского⁸. Приходится обратиться ко времени первых фиксаций этого выражения в разных языках, хотя мы отдаем себе отчет в том, что этот путь вовсе не гарантирует полной уверенности и не дает однозначного ответа.

Впервые разбираемый оборот зафиксирован в самом известном произведении первого классика украинской литературы Ивана Петровича Котляревского – в *Энеиде, на малороссийский язык перелицованной*. Эта замечательная

⁶ См.: А. Мирович, И. Дулевич, И. Грек-Пабис, И. Марыняк, *Большой русско-польский словарь: П-Я*, Москва-Варшава 1987, с. 10.

⁷ См.: М.И. Михельсон, *Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний*: В 2 т., Москва 1994, т. 2, с. 346.

⁸ См.: Е. Moško, *Zwrot zbić z pantafyku, stpol. i gwarowe patolęc, patoląk oraz nazwisko Patoląk* (XVII w.), „Poradnik Językowy” 1977, N 6, s. 263–275.

бурлескная поэма была впервые опубликована в Санкт-Петербурге в 1798 г. В самом начале поэмы описан разговор Юноны с Эолом:

«Здоров, Еоле, пане-свату!
 Ой, як ся маєш, як живеш? —
 Сказала, як ввійшла у хату,
 Юнона. — Чи гостей ти ждеш?..»
 Поставила тарілку з хлібом
 Перед старим Еолом-дідом,
 Сама же сіла на ослін.
 «Будь ласкав, сватоньку-старику!
 Избий Енея з пантелику,
 Тепер пливе на море він»⁹.

Датировку первой фиксации выражения можно даже немного уточнить. В обнаруженной авторской рукописи поэмы 1794 г. интересующая нас строка читается в следующем виде: «Избий Енея с пантелику!...»¹⁰. Таким образом, интересующий нас оборот впервые был зафиксирован в украинском языке в 1794 г. В *Грамматике малороссийского наречия* А.П. Павловского, написанной в 1805 г., но изданной в Петербурге только в 1818 г., оборот встречается дважды, и оба раза с русским переводом: «збыло з пантелику, с ума спятило», «збыла з пантелику, с ума свела»¹¹.

В русской литературе этот оборот впервые появляется тремя десятилетиями позднее. В романе Антония Погорельского *Монастырка*, действие кото-

⁹ И. Котляревский, *Енеїда*, Київ 1970, с. 3. Ср. русский перевод Веры Потаповой:

Вошла она к Эолу в хату,
 Осведомилась, как живет,
 Здоровья пожелала свату,
 Спросила — не гостей ли ждет?
 И, прежде чем начать беседу,
 Хлеб-соль на стол Эолу-деду
 Метнула, села на скамью:
 «К тебе я с просьбою великой!
 Ты сбей Энея с панталыку,
 Исполни волношку мою».

(Там же). — Это место в *Энеиде* И. Котляревского впервые было отмечено в кн.: *Словарь украинского языка, собранный редакцией журнала «Киевская старина»*, Редактировал, с добавлением собственных материалов, Б.Д. Гринченко, Киев 1909, т. 3, с. 93. — См. также: П.Я. Черных, *Историко-этимологический словарь современного русского языка*, Москва 1999, т. 1, с. 621.

¹⁰ См.: Н.П. Дашкевич, *Начальные строфы старейшего списка «Энеиды» И.П. Котляревского*, «Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца», Киев 1901, кн. 15, вып. 1, отд. 3, с. 44.

¹¹ А. Павловский, *Грамматика малороссийского наречия*, Санкт-Петербург 1818, с. 91, 101.

рого разворачивается на Украине, один из персонажей говорит: «Що ти городышь, Галя! – сказала она мне, – ты збылась с пантелику!» (Это, по-здешнему, кажется, значит: ты с ума сошла)¹². Первая фиксация на русском языке сопро-вождена очень точным авторским переводом. Неуверенность автора («кажет-ся») говорит о том, что он впервые столкнулся с таким речевым оборотом. Не-лишне отметить, что Погорельский (псевдоним А.А. Перовского, 1787–1836) свое детство провел в Черниговской губернии, в 1825–1830 гг. был попечите-лем Харьковского учебного округа, а действие многих его произведений, осо-бенно ранних, связано с Украиной¹³. Цитированные места из произведений Котляревского и Погорельского, а также в грамматике Павловского исключи-тельно показательны и позволяют уверенно говорить о том, что оборот ‘сбить с панталыку’ впервые появился именно в украинской разговорной народной речи не позднее середины 1790-х гг.

Точности ради следует добавить, что уже первая фиксация украинского оборота была прокомментирована в русской печати. К петербургскому изда-нию 1798 г. поэмы Котляревского был приложен небольшой словарь *Собра-ние малороссийских слов, содержащихся в Энеиде, и сверх того еще весьма многих иных, издревле вошедших в малороссийское наречие с других языков, или и коренных российских, но не употребительных*¹⁴. В этом словаре есть и пояснение: «панталик – глузд» (отметим, что в тексте поэмы напечатано «пантелик»)¹⁵. Слово «глузд» не попало в *Словарь русского языка XVIII века*, но оно давно и хорошо известно диалектологам, его значение – «ум, память, рассудок». Распространение получило выражение «сбиваться (сбиться) с глузду» – ‘приходить в замешательство, запутываться’¹⁶. Думается, что у нас есть все основания считать, что издатель поэмы Котляревского понимал вы-ражение «збити з пантелику» как «сбиться с глузду». Издание 1798 г. было осуществлено «без ведома и согласия» автора, чем он был раздосадован¹⁷. Но в изданиях, вышедших уже под авторским присмотром, Котляревский со-хранил словарь и даже дополнил его. Стоит отметить, что в издании 1842 г.

¹² А. Погорельский, *Избранное*, Москва 1985, с. 168.

¹³ См.: М.А. Турьян, А. Погорельский, *Русские писатели 1800–1917: Биографический сло-варь*, Москва 2007, т. 5, с. 6–10.

¹⁴ См.: *Енеида на малороссийский язык перелицованная И. Котляревским*, Санкт-Петербург 1798, ч. 3, с. 2–24 (2-й пагинации). Этот словарь составил инициатор издания Ио-сиф Кириллович Каменецкий, см.: *Словарь русских писателей XVIII в.*, Санкт-Петербург 1999, вып. 2 (К–П), с. 412. К сожалению, этот словарь не учтен в справочнике: В.П. Вомперский, *Словари XVIII века*, Москва 1986.

¹⁵ *Енеида на малороссийский язык перелицованная*, ч. 3, с. 15 (2-й пагинации).

¹⁶ См.: *Словарь русских народных говоров*, Ленинград 1970, вып. 6, с. 207–208.

¹⁷ См.: *Виргилиева Энеида на малороссийский язык предложенная И. Котляревским*, Санкт-Петербург 1809, ч. 1, с. 5.

интересующее нас слово напечатано как «пантельк»¹⁸. Таким образом, даже в одном произведении в разных изданиях мы находим написания «пантелик», «панталик» и «пантельк», т.е. написание слова еще не получило закреплённой твердой формы, что может свидетельствовать об относительно недавнем его появлении в украинском языке. Наличие точного русского эквивалента «сбиться с глузду» не помешало вхождению украинского оборота в русский язык. По данным словарей¹⁹ и Национального корпуса русского языка (<http://ruscorpora.ru>) выражение ‘сбить с панталыку’ с 1840-х гг. входит в русский язык, его можно встретить в произведениях П.А. Вяземского, И.С. Тургенева, Н.С. Лескова, А.Ф. Писемского и многих других русских писателей. Не менее показательны и данные диалектологии – выражение с середины XIX в. отмечается в самых разных местностях России²⁰.

В польском языке выражение *zbić z pantałyku* фиксируется только с 1841 г.²¹. Таким образом, хронология фиксации фразеологизма в разных языках позволяет полагать с большой долей вероятности, что фразеологизм ‘сбить с панталыку’ сначала появился в украинском языке, оттуда перешел в русский язык, а затем из русского в польский. Место белорусского варианта в этой цепочке установить затруднительно из-за отсутствия сведений о его фиксации в источниках первой половины XIX в. и соответствующих контекстов. Во всяком случае, в словаре белорусского языка И.И. Носовича 1870 г. этот фразеологизм есть, а в его же собрании белорусских пословиц 1867 г. его еще нет²². Фразеологизм мог попасть в белорусский язык как из русского языка, так и из польского. Вместе с тем нельзя исключить и более раннюю интерференцию белорусских говоров с украинскими.

С происхождением опорного слова фразеологизма (‘панталык’) дело обстоит еще сложнее. Почти все исследователи вынуждены признать, что происхождение слова неизвестно, и единодушны в том, что оно не относится к славянской лексике. Было выдвинуто несколько версий происхождения

¹⁸ См.: *Виргилиева Энеида, на малороссийский язык преложенная И. Котляревски*, Харьков 1842, ч. 6, с. 20 (второй пагинации).

¹⁹ См. сводку данных в кн.: В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, *Большой словарь русских поговорок: Более 40000 образных выражений*, Москва 2008, с. 482.

²⁰ См.: *Словарь русских народных говоров*, Ленинград 1990, вып. 25, с. 199.

²¹ См.: *Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich*, red. J. Krzyżanowski, Warszawa 1970, т. 2, s. 815.

²² См.: И.И. Носович, 1) *Сборник белорусских пословиц*, «Записки имп. Русского географического общества по отделению этнографии», Санкт-Петербург 1867, т. 1, с. 251–482; *Словарь белорусского наречия*, Санкт-Петербург 1870, ч. 2 (П–Я), с. 392. – В словаре И.Я. Лепешева приведены примеры употребления фразеологизма ‘збівацца (збіцца) з панталыку’ из белорусской литературы только второй половины XX в., см.: И.Я. Лепешаў, *Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы*, Мінск 1993, т. 1: А–Л, с. 420.

‘панталыка’. Наиболее часто встречается версия тюркского происхождения. Действительно, очевидно сходство с такими словами, как *балык*, *басалык*, *шашлык*, *ярлык* и подобными. В качестве возможных источников заимствования назывались азербайджанский, каракалпакский, крымско-татарский²³. Например, в азербайджанском языке *rānd* означает ‘искусство, хитрость, уловка’. Но тюркская версия не у всех вызывает согласие, в том числе и по той причине, что ни в одном из тюркских языков слова ‘панталык’ не обнаружено²⁴. Так, Макс Фасмер с этой версией не согласился и привел, хотя и с некоторыми сомнениями, другую версию: ‘панталык’ происходит от немецкого диалектного *pandl* от *Band* ‘завязка’. Но именно эту версию поддержал переводчик словаря Фасмера О.Н. Трубачев: «вторая этимология ближе к истине, и в слове ‘панталык’ вместе с укр. диал., карп. *пантлик*, *пантлика* ‘лента’, польск. диал. *peṭlik*, *peṭlika* ‘петля, завязка’, словац. *pántlik*, мор. *pentlík* можно видеть заимствование из австрийско-бав. *pantl* ‘завязка, ленточка’, откуда и венг. *pantlika*»²⁵.

Разбираемому выражению посвящена большая статья Э. Мосько, в которой предложен новый и оригинальный подход к решению этимологической задачи²⁶. Автор посчитал фразеологизм *zbić z pantalyku* исконно польским по происхождению и возводит *pantalyk* к польскому диалектному слову *patoleć* – длинная палка для игры в мяч, наподобие хоккейной клюшки. Слово это известно уже по произведениям XVII в., но в словарь польских говоров Яна Карловича попало только в начале XX в. Э. Мосько считает, что фразеологизм *zbić z pantalyku* является измененной формой выражения *zbić/spać z patoleku*. Правда, такое выражение нигде не было зафиксировано и автор ссылается только на собственные наблюдения над силезскими говорами. Надо признать, что в рассуждениях автора много натяжек, как с точки зрения фонетики (например, откуда в *patoleć* взялся формант *-n-*, который появляется в слове *pantalyk*?), так и образной природы выражения. И почему старопольское слово, относящееся к никак не описанной в статье игре в мяч, неожиданно появилось во фразеологическом обороте почти в середине XIX в.? Оригинальную гипотезу Э. Мосько приходится отвергнуть, как неубедительную, в том числе

²³ См.: А.Г. Преображенский, *Этимологический словарь русского языка*, Москва 1959, т. 2, с. 12; М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка*, Москва 1987, т. 3, с. 199; П.Я. Черных, *Историко-этимологический словарь современного русского языка*, т. 1, с. 621; М.И. Скворцов (ред.), *Проблемы составления этимологического словаря отдельного языка*, Чебоксары 1986, с. 43–44.

²⁴ См., например: *Етимологічний словник української мови*, Київ 2003, т. 4, с. 278.

²⁵ М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка*, т. 3, с. 199.

²⁶ См.: Е. Moško, *Zwrot zbić z pantalyku, stpol. i gwarowe patoleć, patolqk oraz nazwisko Patolqk (XVII w.)*.

и по причине ее очевидного противоречия с более ранней хронологией появления фразеологизма в восточнославянских языках.

Недавно большую статью разбираемому фразеологизму посвятила Ю.Б. Камчатнова²⁷. Подробно разобрав имеющийся лексикографический материал, исследовательница предложила свое понимание происхождения фразеологизма. Сопоставив оборот *сбить(ся) с панталыку* со сходным по значению оборотом *сбить(ся) с пахвей*, Ю.Б. Камчатнова предположила, что *панталык* – это часть конской сбруи: «петлю, завязку (мочку) в конской сбруе вполне могли малороссияне называть пантеликом, пантличкой, как и ныне последним словом называют петельку, тесемочку»²⁸. Между тем, языковые словари такого значения слова *панталык* не фиксируют, нет его и в специальном справочнике, посвященном в том числе и конской упряжи²⁹. Сопоставление слова *пантелик* с украинским глаголом *спантеличувати(ся)*³⁰ справедливо, но этот глагол образован, видимо, как раз от слова *пантелик*³¹. Особое внимание Камчатнова уделила разбору выражений *по нитке*, *по шнурку*, *по прямой черте*, *по струнке*, метафорически означающими правильную жизнь или строгое послушание, которые пересекаются с метафорами книжными, имеющими мифологические корни – *нить жизни*, *путеводная нить*³². Выражения *потерять путеводную нить* и *сбиться с панталыку* исследовательница считает синонимами, но никакой этимологической связи между ними не прослеживается. К тому же эта версия не учитывает дополнительного значения оборота, отмеченного в белорусском языке – ‘сбить спесь, чванство’. Камчатнова, как нам кажется, в своей гипотезе исходила из установленного значения фразеологизма *сбиться с панталыку* и достаточно прозрачной структурно-семантической модели оборота, представленной в разных языках. Однако в пользу своей гипотезы ей не удалось привести безусловных аргументов лингвистического или экстралингвистического характера.

²⁷ См.: Ю.Б. Камчатнова, *Панталык: конская упряжь, прямая черта или путеводная нить? (К вопросу о выражении сбиться с панталыку)*, «Вестник Литературного института им. А.М. Горького» 2013, № 4, с. 6–24.

²⁸ Там же, с. 14.

²⁹ См.: П. Саввантов, *Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное*, Санкт-Петербург 1896.

³⁰ См.: Ю.Б. Камчатнова, *Панталык: конская упряжь, прямая черта или путеводная нить? (К вопросу о выражении сбиться с панталыку)*, с. 11; *Словник української мови*: в 11 т., Київ 1978, т. 9, с. 488.

³¹ В новейшем этимологическом словаре украинского языка глагола *спантеличувати(ся)* нет, см.: *Етимологічний словник української мови*, Київ 2006, т. 5.

³² См.: Ю.Б. Камчатнова, *Панталык: конская упряжь, прямая черта или путеводная нить? (К вопросу о выражении сбиться с панталыку)*, с. 10–12, 15–18, 21–24.

Разбирая фонетические изменения слова *patoleć*, которые якобы привели к появлению формы *pantałyk*, Мосько мимоходом вспоминает другое старопольское слово – *pontał* и его деминутив *pontalik*³³, повлиявший, по мнению автора, на фонетический облик слова *pantałyk*. На наш взгляд, именно это слово заслуживает большего внимания. *Pontał* (от *итал.* *puntale*), уменьшительное *pontalik* — это ювелирное украшение из драгоценных камней и металлов в виде брошки, которое носили (иногда по несколько штук) на верхней одежде и головных уборах, причем не только женщины, но и мужчины, а женщины могли украшать ими еще и свои прически (их изображения сохранились на портретах того времени). Мода на них пришла в Польшу из Италии в XVI в., вместе с модой пришло и слово, вошедшее надолго в польский язык³⁴. Очевидно, что само наличие таких украшений – признак как высокого социального статуса, так и богатства³⁵. Тут уместно привести пояснение, которое И.И. Носович дал для белорусского слова *пантолык* – «спесь, чванство, самонадеянность. С пантолыку збили и пантолык твой пропав»³⁶. Фонетически превращение польского слова *pontalik* в украинское *пантелик* не может, на наш взгляд, вызвать возражений: переход *–o–* в *–a–* довольно обычная редукция при произношении безударного гласного.

Наша гипотеза о происхождении выражения ‘сбить(ся) с панталыку’ состоит в следующем. Фразеологизм *збити з пантелику* появился впервые в украинском языке не позднее конца XVIII в. При этом в выражении было использовано польское слово *pontalik*, получившее в народной украинской речи фонетическую форму *пантелик*. Не исключено, что первоначально в этом выражении могли отразиться социальные антагонизмы и одним из значений выражения было ‘сбить спесь, чванство’. Хотя нет сомнений, что первым зафиксированным значением выражения у Котляревского было ‘сбить с толку, сбить с пути’. Из украинского языка фразеологизм перешел в русский язык, а затем из русского в польский. Путь межъязыковой миграции фразеологизма

³³ См.: Е. Мо́ско, *Zwrot zbić z pantałyku, stpol. i gwarowe patoleć, patołąk oraz nazwisko Patołąk (XVII w.)*, s. 273–274.

³⁴ См.: Ł. Gołębiowski, *Ubiory w Polsce*, Warszawa 1830, s. 215; *Słownik języka polskiego*, red. W. Doroszewski, Warszawa 1964, t. 6, s. 979; W. Łoziński, *Życie polskie w dawnych wiekach*, Kraków 1978, s. 144; A. Brückner, *Encyklopedia staropolska*, Warszawa 1990, t. 2, sp. 228. – Ср.: «Pontał, u, Pontalik, a, m. Ожерелье» (*Словарь польско-российский*, сост. Д. Бартошевич, Варшава 1843, т. 2, с. 76).

³⁵ Отметим, что подобные ювелирные украшения были распространены и в России в XVIII в., но их название в русский язык пришло из французского языка (*pendeloque*). По-русски, по материалам Картотеки русского языка XVIII в. (Институт лингвистических исследований РАН) и французско-русским словарям XVIII в. (С. Волчкова, И. Тагищева), их называли *пендулок*, *панделок*, *панталок*.

³⁶ И.И. Носович, *Словарь белорусского наречия*, ч. 2 (П–Я), с. 392.

представляется нам доказанным. Мы отдаем себе отчет в том, что у предлагаемой гипотезы происхождения выражения и его образной природы есть слабые места, но теперь исследователи могут сосредоточиться на разработке материалов по украинским народным говорам, уделяя особое внимание польско-украинским языковым связям и межъязыковой интерференции.

Описанная межъязыковая миграция одного фразеологизма не является исключительной в истории восточнославянских и западнославянских языков. Два десятилетия назад Мокиенко тщательно проследил историю оборота *на халяву* и пришел к следующему выводу: «Судьба лекси́мы *халява* и оборота *на халяву* во многом отражает парадоксальность взаимодействия «своего» и «чужого» в русско-украинско-польском жаргонном пространстве. Нередко такое взаимодействие заключается в «эффekte бумеранга»: украинский по происхождению жаргонизм, имеющий польские этимологические корни, претерпев активизацию в русском языковом обиходе, возвращается в первичную среду обитания»³⁷.

История *панталы́ка* во многом схожа с историей *халявы*. Возможно, мы имеем дело с отлаженным маршрутом межславянского языкового взаимодействия.

---

³⁷ В.М. Мокиенко, *К украинско-польским лексическим и фразеологическим взаимодействиям (укр. халява – пол. cholewa – рус. халява, на халяву)*, „Studia z filologii słowiańskiej ofiarowane profesor Teresie Zofii Orłoś”, pod red. H. Wróbla, Kraków 2000, s. 181.